

Средняя школа Тейко. Начало апреля.

Новый учебный год начался порывистым ветром, безжалостно обрывающим хрупкие, нежные розовые лепестки цветущей сакуры, и ливнями с грозой и молниями, рассекающими мрачные серые небеса. Кисе не нравилась подобная погода — куда приятнее смотреть через окно на солнце, чем на дождь стеной и плавающие в лужах лепестки. Просто омерзительно, настроение портилось моментально.

Сыро, холодно, промозгло, от влажности волосы начинали пушиться — не погода, сплошное разочарование. Еще эта невыносимая гроза... Не повезло, что она началась именно к концу занятий — теперь идти домой придется под шум бьющих по зонту капель дождя, сверканье молний и громовые раскаты. Тоска смертная и тренировки сегодня были с утра, поэтому после уроков занятий в клубе не предвидится...

Звонок, последний на сегодня поклон, и можно собираться домой. Рета вздохнул, собирая учебники в сумку и представляя, как будет хлюпать по лужам в своих только вчера дочиста вымытых кроссовках, подошва которых так некстати промокает. Их скорее всего придётся стирать заново, а это так муторно. Повезет, если носки не промокнут, хотя на это рассчитывать не приходилось.

Классные комнаты медленно пустели. Все неохотно собирались домой, кто-то искал зонты, другие же планировали бежать, прикрываясь сумками. Рета задумался: а он зонт с собой сегодня взял, или придется бежать до ближайшего магазина, чтобы купить? Промокнуть насквозь не хотелось.

За окном снова громыхнуло. Небо надвое рассекла яркая, похожая на огромную трещину в земле после засухи, молния. Парень невольно вздрогнул от такого громкого звука: не хватало ещё, чтобы молния в него ударила, умереть молодым совсем не хотелось. Да и какая потеря будет для человечества, с его внешностью и талантом, если он так скоропостижно скончается.

Соседние кабинеты уже опустели — кажется, там уроки закончились раньше. Им, должно быть, повезло, и они успели уйти до того, как погода расшалилась. Сидеть здесь до конца грозы Рете не хотелось от слова совсем, ведь даже неизвестно, когда она закончится, а потому он, бросив последний взгляд на окно, покинул кабинет.

Еще один громовой раскат, и за соседней дверью послышался девичий визг.

Кисе вздрогнул и рванул в сторону звука: неужели, здесь остался кто-то ещё, а не ушёл после уроков? Парень раскрыл дверь соседнего кабинета и заглянул внутрь. Девушка забилась под парту, схватившись за голову, и содрогалась от рыданий, ее распущенные золотые волосы разметались по плечам, алая лента валялась на полу, никому не нужная, блондин недовольно закусил губу: ну почему из всех учеников Тейко это должна была быть именно она? Он же так сильно надеялся, что в третьем классе они точно не будут пересекаться, раз Куренай Кирари перестала приходить в спортивный зал.

На секунду Рета опешил, не зная, что ему сделать — наверное, стоило к ней подойти, раз уж она буквально трясётся от слез, а с другой стороны, какое ему вообще дело? Они не друзья и не хорошие знакомые, почему в такие моменты ее не поддерживают Аомине или Хайзаки, с которыми девушка так близка? И где все те толпы парней, ловящих каждый ее вздох? Они ведь, по идее, не должны были позволить, чтобы их идол дрожала в пустом классе, забившись под парту.

Кисе без малейшего зазрения совести собирался просто развернуться и уйти, пока небо снова

не загрохотало, а девушка не разрыдалась в голос. У блондина появилось ощущение, словно ему со всей дури ударили в грудь чем-то острым, и это странное чувство не давало ему уйти, пригвоздило прямо к дверному проходу.

Черт, он не мог просто взять и уйти сейчас, оставив ее вот так.

Парень аккуратно приблизился к парте, под которой пряталась златовласая, и присел на корточки. Кирари, казалось, даже не заметила его присутствия, уткнувшись носом в собственные колени и всхлипывая, вздрагивая при каждом всхлипе. Сколько она уже здесь сидела, рыдая?

— Куренай? — блондин легонько коснулся трясущегося плеча златовласой, стараясь не напугать ее своим появлением ещё больше.

Девушка задрожала всем телом и вскинула голову, повернувшись к незванному гостю и глядя на него глазами затравленного зверька. Совсем непохожая на себя обычную, со смазанным блеском для губ, спутавшимися, струящимися по плечам подобно золотому водопаду волосами, которые Кисе до этого ни разу не видел распущенными, мокрыми дрожащими ресницами, она как будто и неприязни никакой не вызывала, только жалость.

Кисе казалось, что он никогда в жизни не чувствовал себя настолько странно и неловко одновременно. Куренай Кирари ему совсем не нравилась, можно было сказать, что они враждуют, и все же сердце замерло от волнения, стоило ему спросить:

— Ты в порядке?

Это был очень глупый вопрос — и дураку было ясно, что Кирари не в порядке. С каждой секундой становилось все более неловко — возможно, он зря вообще решил вмешаться в эту ситуацию, следовало пройти мимо, но уйти сейчас больше не представлялось возможным. Хрупкая ладошка девушки крепко сжимала в кулачке ткань его пиджака.

Ну, пути назад у Кисе не было. Он опустил на колени, в чистых брюках на грязный пол, особо не заботясь о том, в каком состоянии после будет его форма, а Кирари, кажется, совершенно забыла о своей гордости, прижавшись к нему, словно дрожащий котенок, после очередного громового раската.

— Да чего ты... Что с тобой такое? Львица Кирарин вдруг испугалась грозы? — хотелось отшутиться и разрядить обстановку, но вышло не очень. Девушка не ответила на подколку ничего, только вновь тихо всхлипнула, опуская голову все ниже и ниже, почти ложась Кисе на колени.

Вот теперь ситуация казалась абсолютно безвыходной. Отшутиться у Реты не получилось, понять, что такое с Куренай — тем более, все, что ему оставалось делать — это сидеть, глядя на то, как содрогается, прижимаясь к нему, маленькое хрупкое тельце, слушать угасающие всхлипы и несвязное бормотание, ощущать ее тепло под своими ладонями, неловкими движениями поглаживающими ее выгнутую дугой спину.

— Прости... — сбивчивый шепот, едва различимый в барабанной дробь бьющего по окнам дождя. — Кажется, я совсем не держу себя в руках, когда одна...

Кисе попытался что-то сказать, но все нормальные мысли будто вылетели из головы, а сморозить какую-нибудь чушь ему не хотелось — их отношения не самые радужные, кто знает, как она отреагирует, если он сейчас начнет говорить все, что думает.

— Тебе не нужно здесь находиться. — Кирари снова шепчет дрожащими пересохшими губами и вытирает слезы рукавом пиджака. Кожа лица у нее бледная-бледная, а щеки пылают огнем, глаза опухли и покраснели от слез. — Ты можешь уйти.

— Знаешь, я почему-то чувствую, что не могу сейчас уйти. — блондин усмехнулся, глядя на златовласую, и глубоко вздохнул, понимая, что даже если бы он мог встать, оттолкнуть девушку, совесть не позволила бы ему оставить ее, такую незащищенную, в таком состоянии. — Я тебе, конечно не нравлюсь, и ты мне тоже, но сейчас смирись, что здесь именно я, хорошо?

— Ты не смеешься. — Кирари сделала глубокий вдох и прикрыла глаза, окончательно ложась на колени Кисе и обнимая себя за плечи. — Почему?

Нет, она думает, что Кисе настолько придурок, что будет смеяться над рыдающей девушкой, или она его сейчас так с Хайзаки сравнила, которому плевать на человеческие чувства? Хотелось возмутиться, но язык не поворачивался ругаться, когда его оппонент в таком состоянии — словно полумертвая лежит у него на коленях, едва дыша, с закрытыми глазами, и шепчет тихим голосом:

— Все смеялись.

Как-то странно было слышать это от одной из самых обожаемых девушек в школе. Рета, казалось, потерял дар речи — Не находишь девушка сейчас здесь, он никогда не поверил бы, что это произносит именно она.

— Тебе нравится играть в прятки? — такой спонтанный вопрос, блондин с ходу и сообразить не смог, что на него ответить, а ответ, оказалось, не требовался: — Мне нравится проигрывать, потому что это значит, что меня искали. Если никто не ищет, значит, я не нужна, а пока в центре внимания — не потеряют. «Кирарин» должна быть у всех на виду, чтобы о ее существовании не забыли. Тебе не страшно, что однажды все отвернутся от тебя, Канарейка?

Ну почему, почему опять их разговор заканчивается чем-то подобным. В тот момент Кисе начал чувствовать, что Куренай все это заранее спланировала чтобы в очередной раз застать его врасплох — как можно было за считанные секунды выпалить такой монолог?

Девушка свернулась клубочком и затихла, лишь изредка вздрагивая всем телом от очередного всхлипа, хотя слезы у нее, кажется, уже совсем высохли. Дождь на улице тоже стал понемногу затихать, барабанная дробь дождевых капель становилась все реже и реже, небо едва заметно светлело, тучи редели, разрываемые лучами теплого весеннего солнца.

— Не рассказывай никому. — казалось, прошла целая вечность, прежде чем Куренай снова заговорила. Ее голос окреп, и всхлипывания прекратились, лишь покусанные до крови губы и смазанный макияж указывали на то, в какой истерике она билась недавно. — Никто не должен узнать о том, что здесь произошло, иначе все, над чем я работала столько времени, рухнет. Я уже жалею о произошедшем.

— Да зачем мне об этом рассказывать, — Кисе пожал плечами и отвёл взгляд в сторону, стараясь не смотреть на Кирари. Она уже не лежала на его коленях — едва успокоившись, девушка поднялась на ноги и принялась заплетать волосы. — Да и если скажу, разве мне кто-то поверит?

— Поверят, — с уверенностью произнесла златовласая, едва заметно, кончиками губ, улыбаясь. — Люди склонны верить тем, кто им нравится, даже если они откровенно лгут. Те, кто симпатизирует тебе, и кому не нравлюсь я, с радостью доверятся любому твоему слову в мою

сторону, такова человеческая суть. Поэтому, если тебе хочется жить спокойно, нужно владеть человеческими сердцами.

— Но есть же те, кому нравишься ты, — отвечает Кисе довольно громко, уже совсем оправившись от того, что услышал от этой странной девушки. — Они могут мне и не поверить. Зачем рисковать? Тем более, мне от этого никакой выгоды.

— Это было бы логично, не будь у нас такие плохие отношения. — Куренай взяла в руки сумку, направилась к выходу из класса и уже в дверном проеме обернулась, улыбнулась ласково, так же, как тогда, когда Кисе невольно подсмотрел, улыбалась Хайзаки, и помахала рукой. — Спасибо, что побыл рядом. Кирарин правда благодарна, в одиночку успокоиться было бы куда сложнее. Удачи.

— Я могу тебя проводить.

Возможно, его не слушался собственный язык, но другого объяснения вдруг сказанным словам Рета найти не мог. Эта девушка не нравилась ему, сильно, он раздражался всякий раз, как видел ее в спортзале и обиженно сопел от любой ее подколки в его сторону, но все равно тянулся, как мотылек на пламя, в ее сторону, сам не зная, почему, и зачем ему нужна связь с ней.

Он, очевидно, Кирарин тоже не нравился, но почему-то она, глубоко вздохнув, усмехнулась задорно, как обычно, и протянула ему руку:

— Не отставай, Канарейка.

Кисе вскочил с пола и пошёл в сторону златовласой. Этот день казался странным, будто сон, в происходящие события верилось с трудом. Может, Рета вернётся домой и все это окажется настоящим бредом, а его самого на самом деле ударила молния на улице, но даже если сейчас он спит, лучше бы ему не просыпаться на самом интересном месте.

Выйдя на улицу, Кирари, кажется, совсем оправилась от недавнего странного, будто накатившего волной, приступа истерики. Ярко улыбающаяся, она смотрела на расчистившееся небо и ярко сияющее солнце, словно ребенок, радуясь каждому его лучу. Или это была маска? Кисе не знал, да и думать не хотелось.

— Значит, сегодня у нас перемирие?

Златовласая кивнула головой, оббегая лужу:

— Да, но только сегодня.

— Тогда ладно.

Может, Кисе хотел сказать что-то ещё. Что запомнит этот день в своей жизни ещё надолго, или что немного рад был увидеть ее с новой стороны, но нет, он достаточно наболтал за сегодня, и достаточно услышал.

Она, наверное, хочет, чтобы все стало, как в прошлом году, и они снова избегали друг друга, чтобы этот день остался в прошлом, но как можно забыть так просто подобную сцену, тепло ее тела и шелк волос на своих коленях, нежность голоса, искренность слабой, едва тронувшей губы улыбки?

Сможет ли Кисе с небрежной легкостью отбросить воспоминания обо всем этом, или зацепится, пытаясь узнать больше?

Ответ был очевиден.

— Кирарин. Может, снова начнешь приходить в спортзал?

Стадион. Начало августа.

Никто и не думал, что игра против Тоо будет простой. Но что противостояние станет настолько сложным, никто даже не догадывался, крепко веря в то, что Кисе сможет противостоять Аомине, но уже в начале второй четверти стало ясно, что слепо полагаться только на аса не стоит.

Кирари вздохнула, глядя на сидящих на скамье баскетболистов. Они так вспотели, что, казалось, прошла не всего лишь четверть, а вся половина игры. Разве так должно быть?

— Если пить столько воды за раз, Хаякава-семпай непременно подавится. — бутылку у Хаякавы пришлось отобрать. На лице очередная веселая маска — может быть, улыбка товарища их приободрит? В начале игры рано сдаваться, просто глянув на то, на что способен соперник.

— Наша Кирарин как всегда — прекрасна и добра, — Морияма вздохнул, попытавшись натянуть на себя менее уставшую физиономию, но получилось не очень. — Что бы мы без тебя делали.

— Оботритесь, семпай — златовласая хихикнула, накидывая на голову парню полотенце, и вздохнула, подходя к Кобори: — Ну же, взбодритесь, вы отлично справляетесь. Главная проблема это то, что на площадке Ао-тян, но ее тоже решить возможно. К тому же, первая четверть была за нами. Пусть сейчас они сравнялись, все может быть еще поменяется.

— Ты пытаешься подбодрить, но делаешь хуже, — не глядя ей в глаза, воскликнул Касамацу, и громко демонстративно хмыкнул: — Как будто совсем не веришь в нас! Что еще за «может быть»?

— Ну, она же старается, хватит тебе, — Морияма сбросил с головы полотенце, повернувшись к капитану. — Или ты просто ревнуешь, что обращаются не к тебе?

— Если Касамацу-семпай ревнует, Кирарин следует его обнять. — менеджер хитро усмехнулась и, на цыпочках приблизившись к Юкио со спины, повисла у него на шее, тот моментально вспыхнул, не в силах ничего сделать или сказать, и лишь беспомощно всплеснул руками.

Обычно Кисе сказал бы на это что-нибудь, но странно, он не отреагировал никак, прижимая полотенце к потной шее и глядя на противоположную сторону площадки. Девушка вздохнула: а он действительно озадачен, раз игнорирует ее выходки, такого еще не бывало с тех пор, как они начали близко общаться в третьем классе средней школы. О чем думает блондин, куда направлен его задумчивый взгляд, догадаться было совсем не трудно.

Златовласая неспешно отпустила переставшего трепыхаться капитана и, подкравшись к сидящему рядом с ним асу, осторожно погладила его по голове:

— Ао-тян потрясающий, да?

— Мне казалось, что ты сейчас семпаями занята, — Рета хмыкнул. Девушка закусил губу: все-то он видит и все замечает, даже когда сосредоточен на чем-то ином. И как с ним таким наблюдательным иметь дело?

— Просто увидела, что мою ручную канарейку что-то мучает. — она прижалась щекой к его щеке, едва заметно улыбаясь: — Расскажи Кирарин, о чем думаешь. Что Ао-тян непобедим? Это неправда, каждый человек рано или поздно проигрывает другому. Он невероятен, это правда, но ты ведь тоже по-своему удивительный. Канарейка так далеко зашел, поздно сворачивать. Хочешь ведь превзойти его, Кирарин знает, что хочешь. Просто не сдавайся.

— Мне приятно поддержка от тебя, Кирарин, — парень слегка погладил златовласую по другой щеке из-за чего рядом послышался кашель — очевидно, возмущённого Мориямы. — Только ты так говоришь, будто я уже опускаю руки. Никто из нас еще не сдался, видишь? Мы обязательно найдем, как обуздать их. А после, может, сходим на свидание?

Девушка хмыкнула, отстраняясь:

— Кирарин подумает. Тайм-аут закончился, ну, топай на площадку.

Она легко толкнула парня в спину и демонстративно сложила руки на груди, показывая, что теперь ему нужно думать не о ней, а сосредоточиться на игре. Вновь запустился таймер, отсчитывающий время до конца четверти, и противостояние возобновилось.

Златовласая встала за спину тренеру Такеучи и взглянула туда, где располагалась скамейка запасных противника, и куда еще недавно с такой тоской в янтарных глазах смотрел Кисе, вот только внимание девушки привлекал не Аомине, он уже был с головой в игре.

Она смотрела на Ханako и думала о том, почему блондинка наблюдает за игроками на площадке так нервно, почему кажется, будто она готова разрыдаться из-за каждого забитого руками Аомине мяча, и так отчаянно прижимает ладони к груди, глядя на все увеличивающуюся в пользу Тоо разницу в счете. По ней не было видно, что она от всей души болеет за команду — как раз совсем наоборот, кажется, будто Сакурамори от всей души желает своим же игрокам поражения. Подобной позиции Кирари не понимала совсем: и что ее не устраивает? Стоило бы радоваться, что твоя команда настолько сильна, а если она из-за Аомине...

Тогда Куренай тем более не понимала, с чего так убиваться. Наверное, потому что она, так же, как и Момои, всегда принимала парня таким, какой он есть, не смотря на все произошедшие в его личности перемены. Для этого существуют друзья. Сакурамори же относилась к Дайки далеко не как к другу, и это было очевидно буквально для каждого непосредственно из их компании. Всем было понятно без слов, на кого блондинка смотрит каждую тренировку и любую игру. Все, включая Кирари, от всей души их поддерживали и желали скорейшего становления парой, чего, к сожалению, за всю среднюю школу так и не произошло.

Вторая четверть закончилась с разрывом в девять очков в пользу Академии Тоо. Команды разошлись на десятиминутный перерыв и засели в своих раздевалках, отдыхая и обсуждая стратегии на вторую половину матча. Кирари было слегка тревожно: Кисе решил попытаться копировать стиль Аомине, но выдержит ли он подобную непомерную нагрузку? Его копирование прекрасно поддерживает любые техники более слабых игроков, чем он, но Поколение Чудес — это совсем иной уровень. Златовласая волновалась.

Впервые в жизни ее сердце замирало настолько, что даже приложив ладонь к груди, она не ощущала его биения.

Рета отпросился выйти. Куренай с разрешения Касамацу последовала за ним, идя чуть позади, чтобы не отвлекать от размышлений. Наверняка парню сейчас очень нелегко, а нагнетать девушке не хотелось, вдруг помешает. С недавних пор она научилась без проблем читать его настроение по выражению лица так же, как он прекрасно знал, когда Кирари играет на публику, а когда — настоящая.

Наверное, Куренай поступала довольно глупо, впустив его в тот уголок своего сердца, в котором место до этого занимали ее близкие друзья, вытеснив их на задний план. Ей нравилось быть с этим парнем откровенной иногда, а иногда морочить голову. С тех самых пор, как Рета увидел ее слабость перед грозой и одиночеством, он постепенно становился все ближе, а она никак не могла оттолкнуть, вместо этого все больше отдаляясь от того, из-за кого разругалась с человеком, которого уважала и злилась на игрока, занявшего его место. Возможно, сейчас Хайзаки на нее злятся или обижен, но особого сожаления Кирарин не испытывала.

Все так, как должно было случиться. Значит, такова судьба.

— Кагуя-тан!

Знакомая серебристая макушка обрадовала своим появлением не меньше, чем возможность выбраться на свежий воздух. Неподалеку к задумчиво стоящему Кисе подошел Куроко, но отвлекать парней от разговора было бы слишком бесцеремонно. Им есть, что обсудить.

— Привет, Куренай, — Гинши предусмотрительно сделала шаг назад, не давая златовласой возможности кинуться ей на шею. Менеджер Кайдзе надула-было губы, но тут же переключила внимание на пушистый комок в руках у Кагуи. У пушистого комка было два голубых, как аквамарины, грустных глаза, до боли кого-то напоминающих...

— Привет, прелесть! — девушка выхватила щеночка из рук подруги и прижала к своей груди.
— Такой хорошенький! Как зовут?

— Мы зовём его Второй Тецуя, — отозвалась Кагуя, наблюдая за щенком. — Большинство решило, что он похож на Куроко. Поэтому и назвали Вторым.

— Милашка... — тонкие пальчики зарылись в мягкой шерстке. Кирари заулыбалась, поглаживая Второго по спинке и мурлыча себе под нос какую-то песенку: какое же блаженство гладить пушистую зверушку. — Вы здесь откуда? По пути?

— Тренер сообщила, что вы играете, вот мы и пришли, — чётко, лаконично и по делу. Кагуя редко разбрасывалась словами и затягивала разговоры, Куренай знала это и никогда не винила ее за слишком сухие ответы.

— Слушай, Кагуя-тан, со стороны... — златовласая вдруг глубоко вздохнула. Подул ветер, развевая ее коротко стриженные золотые волосы. Пряди лезли на лицо, спутывались, ветерок играл ими, будто нитями из чистого золота, алые, как рубины, глаза девушки слегка потускнели, напоминая кровавый бархат. — Как тебе кажется, у нас еще есть шансы на победу?

— Шанс есть всегда, если не сдаваться, — ответила Гинши, протягивая руки и забирая чуть поскуливающего щеночка обратно. Менеджер Кайдзе мелодично, словно колокольчик, хихикнула и подняла обрамленные густым веером выкрашенных тушью в черный ресниц глаза к голубым небесам, где неторопливо, лениво плыли белоснежные облака.

— «Победа — это все»... Я говорила, что этот девиз начал раздражать меня так же, как Ханако-

тан, верно? — взгляд девушки стал жестче. Она сжала кулаки, произнося эти слова, и рвано выдохнула, продолжая: — Потому что в Тейко ребята подходили к концепции победы кардинально неправильно. Что такое победа без радости? Они относились к ней, как к чему-то естественному, игнорируя усилия тех, кто пробивался к этим победам через кровь, пот и слезы. Поэтому мне нравится команда Кайдзе. Не «победа — это все», а «Все ради победы». Эта концепция Киарин нравится намного сильнее, чем отрицание возможности поражения. Мы будем проигрывать, будем становиться сильнее и преодолевать эти преграды все вместе, вот, чему нашу команду научил тот товарищеский матч против вас. И Киарин действительно счастлива, что так вышло. Если наша команда не победит так, одним целым, то кому эта победа нужна? Сражаться поодиночке скучно и бесполезно. Ао-тян... Сколько еще он будет тянуть на себе всю свою команду? Насколько долго он сможет оставаться «монстром»? Он ведь совсем перестал развиваться, а мы растем. И вы растете. Уверена, после того поражения Сейрин станет во много-много раз сильнее, и когда мы снова сразимся, это будет на самом деле яркая борьба. Киарин ждет этого с нетерпением.

Ветер стих, и Киари прикрыла глаза, переводя дыхание. Кажется, сегодня у нее действительно было настроение на серьезные разговоры.

— Тебе весело? — внезапный вопрос заставил златовласую вздрогнуть. В Тейко она все время жаловалась на скуку, которая впоследствии сблизила ее с Аомине и Хайзаки.

— Весело? — облизнув губы, Куренай приоткрыла глаза и взглянула на Кисе, собирающегося уходить. — Пожалуй, так оно и есть. У меня чудесные семпаи и рядом есть человек, о котором мне нужно заботиться. Тут уж действительно не соскучишься. — она махнула рукой: — До встречи, Кагуя-тан. Передавай привет Кагами-тяну.

Резвая, как ветер, она не стала ждать ответного прощания. Молча девушка подбежала к асу своей команды, молча взяла его за руку, в полном молчании они вернулись к своим семпаям, а спустя некоторое время перерыв закончился и началась третья четверть.

Киари снова стояла за спиной у тренера Такеучи и наблюдала за тем, как мечутся игроки по площадке. Весело? Да ей никогда раньше настолько не нравилось жить, как сейчас.

«Меня всегда называли бесчувственной, поэтому я создала личность, которую будет легко воспринять. С твоего появления мой идеальный образ начал рушиться, но теперь, после всего, что было, мне больше не хочется притворяться. С тобой, Кисе-кун, и с этой командой, я хочу быть собой, потому что вы дарите мне настоящие эмоции. Это не снисхождение. Я всей душой хочу помочь вам прославить команду и нашу синюю форму, поэтому продолжу носить свою сияющую маску, привлекая других. Я — менеджер Кайдзе. И я сделаю так, чтобы вне зависимости от проигрыша или победы, для трибун игроки в синем были героями».